

Будиловичъ
А. С. Будиловичъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ
ПАЛАЦКАГО

† 14 (26) АПРѢЛЯ 1876 г.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Escl. A- 17103

А. С. Будиловичъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ
ПАЛАЦКАГО

† 14 (26) АПРѢЛЯ 1876 г.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

А. С. БУДНОВСКИЙ

О ХАРАКТЕРИСТИКАХ

ПАДАЮЩАГО

ВЪ ПЕРИОДЪ СЪ 1870 ПО 1875 Г.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. II.

46922180

1875

Юрьевскій Университетъ

1875

2(14)іюня въ Прагѣ отпразднована сотая годовщина рожденія чешскаго исторіографа и патріота Палацкаго. Весь чешскій народъ, безъ различія партій, принялъ участіе въ этомъ торжествѣ, при соучастіи представителей многихъ инославянскихъ, въ томъ числѣ и русскихъ, научныхъ и общественныхъ учреждений, а также многихъ академій западно-европейскихъ.

И нашъ Университетъ обратился по этому случаю къ Пражскому юбилейному комитету съ особымъ адресомъ. Наше Учено-литературное Общество не имѣло еще возможности принять въ той или другой формѣ участіе въ этомъ чешскомъ, да и вообще ученомъ торжествѣ. Но юбилейный годъ этого великаго писателя еще не истекъ, и мы не лишены возможности побесѣдовать о немъ по случаю этой годовщины, вызвавшей сверхъ множества адресовъ и рѣчей — актовыхъ, застольныхъ и др. — нѣсколько научныхъ изданій.

Для характеристики личности и дѣятельности Палацкаго изъ изданій этихъ наиболѣе пригодными миѣ показались два: 1) *Palacký Národu* — изд. пражск. юбилейн. комитета и 2) *Památník na oslavu stých narozenin Palackého*, изд. чешск. учен. общества, чешск. Академіи и чешск. Матицы. Этими, главнымъ образомъ, изданіями я и воспользуюсь въ предлагаемой краткой характеристикѣ Палацкаго.

I. Взгляд Палацкаго на важнѣйшіе моменты его личной жизни изложенъ въ автобіографической запискѣ, напечатанной въ *Osvětě* и переизданной въ упомянутомъ изданіи (*Pal. Národu*). Изъ воспоминаній своего дѣтства, Палацкій, упомянувъ о своемъ происхожденіи изъ моравскаго села Годславицы, лежащаго близъ водораздѣла Балтійскаго и Чернаго морей, подъ горой Радгоста или Радгощемъ, который онъ потомъ воспѣвалъ и въ прозѣ и въ стихахъ, — съ любовью останавливается на характерахъ своихъ родителей, изъ которыхъ отецъ былъ, по его словамъ, при всей своей простотѣ, человѣкъ необычайный. Природа надѣлила-де его пронизательнымъ умомъ и острою сообразительностью. Онъ жадно читалъ все, что попадалось ему подъ руку. Во всемъ, что касается людской нравственности, онъ былъ-де человѣкъ крайне строгій и съ дѣтми не нѣжничалъ, хотя о благѣ ихъ искренно заботился. Воли онъ былъ непреклонной, нерѣдко и вспыльчивъ. Усердно исполнялъ свои христіанскія обязанности и твердо держался своего церковнаго (именно — лютеранскаго) исповѣданія. Библію зналъ всю наизусть и ея словами руководился во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Характеристика эта важна потому, что Палацкій-сынъ очевидно былъ вылитый отецъ, столь же строгій въ своихъ взглядахъ, твердый въ дѣйствіяхъ и съ прочною религіозною основою.

Мать же Палацкаго, наоборотъ, была женщина добраго, мягкаго и примирительнаго нрава, любимая всѣми, кто ее зналъ. Образованія она не имѣла и даже говорить могла не иначе, какъ по-чешски. Кажется и Палацкій-сынъ не зналъ въ дѣтствѣ другого языка, хотя уже очень рано (пяти лѣтъ) прочелъ Кралицкую библію, гдѣ особенно увлекался исторіей Моисея и Иосифа, пѣснями Соломона и притчами Иисуса, сына Сирахова. Для изученія нѣмецкаго языка онъ былъ отданъ въ 1807 году на два года въ частную школу въ моравскомъ Кунвальдѣ, основанную и руководимую графиней Маріей изъ Вальбурга, урожденной Гаррахъ, гдѣ учебное дѣло поставлено

было очень хорошо и преподавались даже начала всеобщей истории, антропологии, физики, сельского хозяйства и т. п.

Но кроме немецкаго языка тогда необходимъ еще былъ въ Австріи и латинскій, который особенно процвѣталъ въ школахъ венгерскихъ. Вѣроятно по этой причинѣ Палацкій былъ отданъ въ 1809 г. въ Тренчинъ, а въ 1812 г. въ Пресбургскій Евангелическій Лицей. Хотя система образованія была тамъ поставлена не особенно хорошо (именно, въ Тренчинѣ), все же Палацкій сознается, что подъ вліяніемъ тамошнихъ словаковъ зародился въ немъ интересъ къ чешской литературѣ, а также чрезъ сербовъ — къ литературѣ сербской, русской и церковно-славянской. Въ Пресбургскомъ Лицеѣ товарищемъ Палацкаго былъ и Колларъ, но его славизмъ развился-де позже, въ Іенѣ, подъ вліяніемъ Шафарика. Вообще, Палацкій считалъ себя мало обязаннымъ школѣ и любилъ впоследствии называть себя автодидактомъ (Рам. 249 стр.). По окончаніи въ 1817 г. Лицея Палацкій поступилъ въ гувернеры въ семейство Нины Зердагель, гдѣ оставался 5 лѣтъ до 1822 г. Эту даму, которая относилась къ нему съ любовью матери и принимала теплое участіе въ его дальнѣйшемъ литературномъ образованіи, онъ въ своихъ воспоминаніяхъ считаетъ наиболѣе приближающеюся къ идеалу чистой женственности. Въ ея домѣ Палацкій съ успѣхомъ продолжалъ свое философское и эстетическое образованіе и выступилъ на писательское поприще, какъ эстетикъ-кантіанецъ и поэтъ античнаго и клопштоковскаго направленія. Между прочимъ, Палацкій обдумывалъ тогда трагедію изъ русской исторіи (убіеніе Іоанна Антоновича) и романъ на тему Толстовскаго — Война и миръ (изъ врем. Наполеона I). Но уже въ то время началъ возникать въ немъ вопросъ: не призванъ-ли онъ быть историкомъ своего народа?

Необходимость свободной профессіи обусловлена была для него тѣмъ, что, какъ протестантъ, онъ не могъ-де при императ. Францѣ II получить никакого мѣста, кромѣ развѣ пасторскаго, къ которому не имѣлъ влеченія.

Въ апрѣлѣ 1823 г., окончивъ свое гувернерство въ домѣ венгерской помѣщицы, Палацкій прибылъ на нѣкоторое время въ Прагу, чтобы позаняться тамъ матеріалами для гуситской эпохи и вообще ориентироваться относительно дальнѣйшей своей карьеры.

Сердечно принятый въ обществѣ Юнгмана, Пресля, Ганки и другихъ чешскихъ патріотовъ, знавшихъ его по литературнымъ опытамъ, Палацкій постепенно втянулся въ чешскія отношенія и навсегда остался въ Прагѣ. Особенно важнымъ оказалось для дальнѣйшаго историческаго его образованія то, что Палацкій засталъ еще въ живыхъ въ Прагѣ геніальнаго патріарха славянской филологіи Добровскаго, который дозволилъ молодому земляку ежедневно къ нему приходиться для упражненія въ чтеніи старыхъ грамотъ и вообще для изученія источниковъ чешской исторіи. Эти частныя занятія стоили для Палацкаго цѣлаго университета! Они имѣли вліяніе на дальнѣйшую его жизнь и въ томъ отношеніи, что Добровскій, узнавъ поближе Палацкаго и полюбивъ его, ввелъ его въ среду чешской аристократіи, а именно: графовъ Штернберковъ (Францъ, основатель чешскаго музея, лучший знатокъ чешской исторіи послѣ Добровскаго и Касперъ, геологъ, другъ Гёте), которыхъ генеалогію онъ долженъ былъ составить, а затѣмъ гр. Чернина, кн. Кинскаго, гр. Кламъ Мартиница, Хотека и др. При ихъ посредствѣ Палацкій не только ближе ознакомился съ семейными архивами старочешской шляхты, но и съ современною политическою жизнью Чехіи и вообще Европы, что благопріятно отразилось на его дальнѣйшей дѣятельности.

Въ концѣ 1825 г. на одномъ изъ обѣдовъ у гр. Франца Штернберка, гдѣ присутствовалъ и Добровскій, завязался разговоръ о томъ: можетъ-ли еще воскреснуть чешскій народъ? Добровскій относился къ этому скептически, но Палацкій утверждалъ, что возрожденіе возможно, если чешскіе ученые и писатели будутъ писать не по-нѣмецки лишь (какъ это дѣлалъ Добровскій), но и по-чешски. Результатомъ этой бесѣды, гдѣ сторону Палацкаго принялъ гр. Фр. Штернберкъ,

предсѣдатель чешскаго музея, былъ проектъ изданія при послѣднемъ журнала на языкахъ — нѣмецкомъ (2 года) и чешскомъ (впослѣдствіи только на немъ). Редакторомъ былъ избранъ Палацкій, что создало для него нѣсколько лучшее общественное положеніе, дозволило жениться на дочери одного зажиточнаго и вліятельнаго чешскаго адвоката (др. Мехуры) и впослѣдствіи получить отъ чешскихъ чиновъ званіе чешскаго историографа (высочайше утверждень только въ 1839 г., послѣ выхода I т. Дѣинъ). Съ какой быстротой онъ ориентировался въ чешской историографіи, видно изъ его конкурсной работы: *Würdigung der ältesten Quellen zur böhmischen Geschichte* (увѣнчана въ 1830 г.). Сочиненіе это напоминаетъ въ чешской историографіи соч. Ваттенбаха: „*Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter*“ въ историографіи нѣмецкой.

Въ 1829 г. умеръ Добровскій, а въ 1830 г. и Фр. Штернберкъ, но послѣдняго замѣнилъ до нѣкоторой степени кн. Кинскій, предсѣдатель новоучрежденной при живомъ участіи Палацкаго въ 1830 г. чешской Матицы.

Упоминаетъ Палацкій въ своей автобіографіи и о планѣ русскаго правительства въ 30-хъ годахъ вызвать въ Петербургъ знаменитаго поэта и филолога-слависта Челяковскаго, археографа Ганку, славяновѣда Павла Шафарика, что Палацкій считалъ вреднымъ для чешской науки и литературы, почему онъ и уговорилъ сначала Челяковскаго, а потомъ и Шафарика отказаться отъ этого вызова и помочь имъ устроиться кое-какъ въ Прагѣ, которая-де вслѣдствіе того „утвердила свое научное первенство между славянскими народами“.

Изъ событій начала 40-хъ гг. Палацкій упоминаетъ о читанномъ имъ въ домѣ кн. Карла Шварценберга для двадцати передовыхъ чешскихъ магнатовъ особомъ историческомъ курсѣ: „О правахъ и дѣятельности старочешскихъ сеймовъ“.

Архивныя студіи для чешской исторіи или „Дѣинъ“ Чехіи и Моравіи не разъ отвлекали Палацкаго отъ Праги — то въ различные чешскіе провинціальныя архивы (особенно Крум-

левскій гр. Шварценберга), то въ заграничныя, напр., въ Мюнхенъ, Бреславль, Згорълецъ, Римъ, Дрезденъ, Берлинъ, въ Угрію и др.

Нѣсколько позже, приблизившись къ эпохѣ гуситской, Палацкій вынужденъ былъ заняться специально чешской исторической топографіей, надъ чѣмъ просидѣлъ 3 года (1845—1848 г.) и, какъ результаты этого громаднаго труда, издалъ: *Popis kral. Českého*.

Событія 1848 г. вызвали Палацкаго къ политической дѣятельности. Чтобы противодѣйствовать разрушительнымъ аспираціямъ нѣмецкимъ и мадьярскимъ, направленнымъ противъ Австріи, слѣдовательно грозившимъ неизвѣстностью и чехоморавскимъ областямъ, Палацкій совмѣстно съ нѣмецкимъ его пріятелемъ, поэтомъ Эбертомъ, созвалъ чешскихъ и нѣмецкихъ писателей къ обсужденію общихъ дѣлъ. Собраніе это, подъ предсѣдательствомъ Шафарика, рѣшило защищать начало равноправности обоихъ народовъ Чехіи и соединеніе земель чешской короны съ конституціонной монархіей Австрійской. Въ апрѣлѣ 1848 г. Палацкій получилъ приглашеніе изъ Франкфурта на Майнѣ прибыть туда для участія въ парламентѣ Нѣмецкой Имперіи. Немедленно онъ отвѣтилъ мотивированнымъ отказомъ, который былъ напечатанъ и вызвалъ ненависть къ Палацкому въ средѣ нѣмцевъ-пангерманистовъ. Въ маѣ Палацкому былъ предложенъ портфель министра нар. просв. въ кабинетѣ Пиллерсдорфа, но Палацкій отказался, предвидя протестъ мадьяръ и нѣмцевъ противъ подобнаго усиленія славизма въ Австріи. Лишь потомъ-де Палацкій узналъ, что при одномъ слухѣ объ этомъ именованіи уже нанятъ былъ въ Вѣнѣ мясникъ, долженствовавшій зарѣзать новоименованнаго министра-чеха.

Вскорѣ въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ, на которомъ при содѣйствіи Палацкаго рѣшено поддерживать Австрійскую монархію, но съ тѣмъ, чтобы она была преобразована на основахъ равноправности всѣхъ ея народовъ. Но чешская молодежь, по внушеніямъ мадьярскихъ эмиссаровъ, вызвала

тогда въ Прагѣ столкновеніе съ войсками и бомбардировку города кн. Виндишгрецомъ, что очень вредно отразилось на чешскихъ дѣлахъ.

На Вѣнскій Имперскій Сеймъ (Рейхсратъ) 1848 г. Палацкій былъ избранъ депутатомъ въ 6 мѣстахъ. И тамъ онъ впервые предложилъ тотъ проектъ Австрійской конституціи, основанный на разграниченіи властей центральныхъ и областныхъ, который впоследствии былъ утвержденъ въ октябромъ дипломѣ 1860. Палацкому вновь предложенъ былъ осенью 1848 г. постъ министра народ. просвѣщ., но онъ вторично отказался, опасаясь оппозиціи нѣмцевъ.

На рейхсратѣ Кромѣрижскомъ Палацкій занимался опять въ Конституціонномъ Комитетѣ, но изъ этого ничего не вышло, вслѣдствіе распущенія этого рейхсрата и октроирования конституціи 4 марта 1849 г., которая, впрочемъ, фактически въ жизнь не вступила. Съ тѣхъ поръ Палацкій возвращается къ своимъ историческимъ студіямъ, особенно когда правительство едва не предало было его военному суду за напечатанную осенью 1849 г. въ *Nag. Novinach* Гавличка статью: „О централизаціи и народной равноправности въ Австріи“. Даже въ средѣ своихъ друзей, въ составѣ чешской Матицы, Палацкій не встрѣчалъ уже прежней поддержки, такъ что онъ вынужденъ былъ сложить съ себя званіе секретаря чешскаго Музея и предсѣдателя комитета по сооруженію чешскаго театра, какъ ни тяжело это ему было.

Съ 1851 г. по 1860 г. Палацкій почти вовсе не занимался ни политическими, ни общественными дѣлами, что — скажу въ скобкахъ — благопріятно отразилось на его работахъ по Дѣинамъ, которые быстро тогда подвинулись до смерти Юрія Подѣбрада и такимъ образомъ могли быть впоследствии доведены до 1526 г., т. е., до утвержденія въ Чехіи династіи Габсбурговъ.

Въ 1859 г. онъ потерялъ жену. Ее отчасти замѣнила ему дочь, вышедшая за Ригера, съ которымъ Палацкій по-

дружился еще въ 1848 г. и жилъ впоследствии въ полномъ согласіи до смерти въ одномъ домѣ.

Въ конституціонный періодъ Австрійской исторіи (1860 г.) Палацкій былъ именованъ членомъ Палаты Господь и игралъ видную роль въ Сеймѣ, а равно въ Пражскомъ обществѣ. За федералистическія тенденціи на него сильно нападали нѣмцы, а за связь съ аристократами и ксендзами — чешскіе радикалы.

Изъ событій дальнѣйшей жизни Палацкаго, не вошедшихъ въ его автобіографію, упомяну еще о его участіи на Московскомъ Славянскомъ Съѣздѣ 1867 г., гдѣ онъ игралъ роль патріарха и оратора, между прочимъ, при представленіи славянскихъ гостей Государю въ Царскомъ Селѣ, а затѣмъ, о его пассивной политикѣ, вызванной дуализмомъ 1867 г. и затѣмъ подчиненіемъ Австро-Венгріи внушеніямъ изъ Берлина. Эти внушенія совершенно поколебали подъ конецъ его жизни его вѣру въ Австрію и въ возможность равноправности ея народовъ.

II. Въ ранней своей молодости, какъ студентъ Пресбургскаго Лицея и потомъ какъ начинающій чешскій литераторъ, Палацкій много занимался философіей, особенно эстетическимъ ея отдѣломъ. Это соответствовало и духу того времени, когда подъ вліяніемъ Канта въ западной Европѣ зародилось столь сильное философское движеніе, нашедшее для себя отголосокъ и въ наукахъ историческихъ (Гердеръ, В. Гумбольдъ) и въ области искусства (Винкельманъ, Шиллеръ, Шлегель, романтики), и въ естествознаніи (Шеллингъ); а вмѣстѣ отвѣчало и личнымъ наклонностямъ молодого литератора, который чувствовалъ въ себѣ большія силы и искалъ поля для ихъ цѣлесообразнаго примѣненія. Первое время онъ склонялся къ мысли, что призванъ быть поэтомъ, но болѣе внимательный анализъ своихъ произведеній, составленный подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда идей литературной критики, убѣдилъ юнаго писателя, что, обладая сильнымъ

чувствомъ, онъ не имѣетъ однако достаточно богатой фантазіи, которая, между тѣмъ, считалась необходимою для творчества въ изящной области. Тогда онъ рѣшился освѣтить для другихъ эту область, — для поэтовъ и критиковъ, — вообще, для своихъ чешскихъ земляковъ, на языкъ которыхъ онъ чуть-ли не впервые сталъ писать въ 19 в. самостоятельныя сочиненія по вопросамъ философскимъ. Этимъ работамъ посвящено было 6—7 лѣтъ его ранней молодости, какъ видно изъ сохранившихся въ семьѣ Палацкаго его выписокъ и записокъ за 1816—1821 г. (описанныхъ О. Гостинскимъ въ Рам. 367—390 стр.). Изъ этихъ выписокъ видно, что въ ранніе свои годы Палацкій усердно изучалъ эстетическіе взгляды древнихъ грековъ и римлянъ, а затѣмъ — въ новой Европѣ: итальянцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, стараясь по возможности провѣрить ихъ на произведеніяхъ великихъ художниковъ, особенно поэтовъ, въ надеждѣ разработать внослѣдствіи собственную систему эстетики, какъ науки о прекрасномъ и его выраженіи въ произведеніяхъ искусства.

Суть философскаго ученія Палацкаго вообще, а по эстетикѣ въ частности (по изложенію Леандера Чеха въ Рам. 404 и сл.) заключается въ слѣдующемъ.

Палацкій не соглашается съ Кантомъ въ его положеніи (*Kritik der Urtheilskraft*), что красовѣда (т. е. ученіе о прекрасномъ) невозможна, такъ какъ-де (по Канту) „прекрасно то, что нравится безъ отчетливаго знанія, слѣдовательно, и критика прекраснаго не можетъ быть приведена къ разсудочнымъ принципамъ“. И Палацкій допускаетъ, что сущность красоты не можетъ быть постигнута мыслию, но полагаетъ, что не эта сущность должна быть предметомъ красовѣды, а только закономерность красоты, подобно какъ и въ этикѣ предметомъ изученія служитъ закономерность добра. Если же существуетъ закономерность прекраснаго, слѣдовательно, законы красоты, то возможна и наука объ этихъ законахъ или красовѣда. Конечно, она не можетъ-де быть такою наукою, какъ математика, гдѣ всѣ положенія развиваются съ

внутренней необходимостью, но вѣдь правдою можетъ быть не то только, что взвѣшивается и измѣряется, а наоборотъ, самыя важныя правды человѣческой жизни не могутъ быть переведены на мѣру и число. Такимъ образомъ, цѣлью красовѣды является изслѣдованіе зарожденія красоты въ чувствѣ и мысли, ея соотношеній съ силами духа вообще и ея отраженія во внѣшнемъ мірѣ; а далѣе — изслѣдованіе законовъ искусства, въ частности: поэзіи, музыки, живописи и скульптуры, чтобы, такимъ образомъ, открыть и философу и художнику возможность пониманія того, почему данные предметы прекрасны или непрекрасны и почему они либо возбуждаютъ восторгъ въ наблюдателѣ, либо наоборотъ, вызываютъ отвращеніе къ себѣ.

Методъ этой науки, изучающей одно изъ проявленій закономерности духа, можетъ быть по Палацкому лишь психологическій, притомъ не эмпирической, а рационально или спекулятивно-психологическій.

Основнымъ положеніемъ эстетики Палацкаго является то, что красота есть идея, т. е., нѣчто особое, существенное и самостоятельное въ духѣ человѣка, что она и чувствуется не тѣломъ, а духомъ, образуя особый кругъ духовныхъ явленій, причемъ прекрасныя предметы имѣютъ особаго рода закономерность и въ мірѣ внѣшнемъ.

Духъ Палацкій противопоставляетъ съ одной стороны природѣ, какъ субъективному объективному, съ другой же — Богу, который въ чистомъ сознаніи человѣка является-де такою же духовною необходимостью, какъ и бытіе міра вообще. Реальное отношеніе духа къ Богу и къ природѣ лежитъ внѣ границъ познанія: оно можетъ быть лишь предметомъ вѣрованія; но закономерность, съ которой выражается взаимодѣйствіе этихъ трехъ принциповъ, доступна-де нашему изслѣдованію и она-то составляетъ главный предметъ человѣческаго познанія.

Взаимодѣйствіе различныхъ принциповъ выражается въ ихъ стремленіи взаимно другъ друга опредѣлить или обусловить. Въ земной же жизни человѣка главной задачей

представляется то, чтобы утвердить принципъ духа въ борьбѣ съ природою, подчинивъ разнообразіе вселенной единству духа. Та сторона духа, въ которой онъ самъ выражается, какъ самостоятельная сила, проявляется въ мысли; та же сторона, въ которой онъ соприкасается съ внѣшнимъ міромъ, проявляется въ чувствѣ. Въ зависимости же отъ того, выражается-ли мысль, какъ сила, постигающая внѣшній міръ, или какъ сила, опредѣляющая послѣдній — мысль проявляется то какъ познаніе, то какъ воля.

Средоточіемъ всей душевной жизни Палацкій считаетъ чувство, какъ первичный элементъ духа и какъ-бы фокусъ, изъ котораго выходятъ лучи его дѣятельности и въ которомъ они вновь теряются. Чувство прежде всего удостовѣряетъ насъ въ нашемъ бытіи, самопроизвольности, личности; въ немъ основа убѣжденій, не требующихъ доказательства, но опережающихъ всякую аргументацію. Это самый стволъ нашего бытія. Имъ же постигаемъ мы реальность міра объективнаго. Это источникъ всей нашей духовной дѣятельности и какъ бы маятникъ всего нашего существа. Въ чувствѣ сохраняются всѣ внѣшнія впечатлѣнія, причемъ они закутываются тамъ въ облако таинственности и идей, желаній и воли, чтобы затѣмъ проявиться въ видѣ понятій; въ немъ же заложены искры всякаго познанія, надежды и вѣры, хотя значительная часть этихъ искръ не возжигается въ видимое пламя.

Въ чемъ же особенно выражается въ духѣ человѣка искра божества, источникъ его самостоятельной силы и дѣятельности? Зародышемъ этой искры божества являются-де наши стремленія, а ея проявленіемъ — наши идеи.

Послѣдней же цѣлью жизни представляется по Палацкому божественность, какъ совокупность всѣхъ конечныхъ цѣлей жизни, какъ приближеніе къ состоянію богоподобному. Когда говорится, что цѣль человѣка быть совершеннымъ человѣкомъ, а съ другой стороны, что его цѣль быть божественнымъ, то въ этомъ нѣтъ противорѣчія, ибо человѣкъ есть образъ божій,

призванный выразить заложенные въ немъ стороны духа въ абсолютномъ совершенствѣ, т. е. достигнуть абсолютной свободы, абсолютной правды, абсолютнаго добра и абсолютной красоты.

Чѣмъ же особенно отличается идея красоты отъ идеи истины и добра? Ихъ отношеніемъ къ свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на борьбу духа съ природою, по пути къ торжеству перваго надъ второю, то нельзя не замѣтить, что въ этой борьбѣ мысль и воля руководятся строгими категориями разума, въ которыхъ нѣтъ ничего шаткаго и произвольнаго, а одна желѣзная необходимость, подобная той, которая опредѣляетъ жизнь природы. Этимъ путемъ достигается ростъ духа въ области истины и добра, науки и справедливости.

Но бываютъ моменты, когда духъ и природа не находятся въ борьбѣ, но какъ бы удерживаются въ равновѣсіи: тогда возникаетъ болѣе свободное проявленіе жизни, основанное на игривой и самоцѣльной гармоніи силъ, гдѣ ни разумъ не давитъ строгостью своихъ законовъ, ни матеріальность — слѣпотою своихъ порывовъ, но оба подчиняются новому управленію, новому единству.

Конечною же цѣлью этого свободного отношенія духа къ матеріи, хотя оно не даетъ ни знаній, ни добродѣтелей, все же является божественность. Но эта божественность касается лишь формы или способа проявленій божественной силы, всевѣдѣнія, всесправедливости. Стремленіе къ красотѣ есть, слѣдовательно, стремленіе къ наблюденію или изображенію въ формѣ божественнаго, а слѣдов., и совершенно-человѣческаго. Достигается же эта цѣль тогда, когда чувство, какъ выразитель субъективнаго, и фантазія, какъ выразитель объективнаго, соединяются для общей работы, гдѣ уже нѣтъ ни борьбы, ни постороннихъ цѣлей, а царствуетъ свобода и высшая гармонія. Результатомъ этой свободной дѣятельности духа является прекрасное, идея котораго соответствуетъ формѣ божественнаго. Совмѣстными силами чувства и фантазіи человѣкъ создаетъ-де

себѣ новый міръ, гдѣ вѣдетъ творческая свобода, искренность, прелесть и благородство.

Возможность столь тѣснаго и гармоническаго взаимодействія духа и матеріи въ художественномъ творествѣ Палацкій объясняетъ тѣмъ, что міръ внутренней и внѣшней являются какъ-бы двумя одинаково настроенными музыкальными инструментами: когда одинъ изъ нихъ зазвучитъ, другой откликается. Да и въ самой природѣ замѣтна-де извѣстная симметрія, которая находится въ соотношеніи съ чувствомъ гармоніи и красоты. Если въ борьбѣ духа и матеріи побѣда суждена первому, то и законы проявленій перваго должны быть совершеннѣе, чѣмъ послѣдней. Потому-то и можетъ духъ усовершенствовать формы внѣшней природы и выработать изъ нихъ совершеннѣйшіе образы своего собственнаго существа или идеалы, въ которыхъ и выражается божественность, объективированная фантазіей.

Призваніе художника воплощать идеалы человѣка, но путемъ не логической абстракціи, а волшебной угадкой генія. Потому то такая сила всегда будетъ особымъ божіимъ даромъ или порывомъ духа человѣческаго, направленнымъ къ божественному. Этимъ объясняется общечеловѣческая любовь къ произведеніямъ чистаго искусства и вызываемый ими энтузіазмъ въ лучшихъ представителяхъ чистой человѣчности.

Не останавливаясь подробнѣе на развитіи этихъ основныхъ взглядовъ эстетики Палацкаго въ его статьяхъ о родахъ и видахъ прекраснаго, отмѣчу, что вообще эстетика эта осталась незаконченною, почему и оцѣнка ея общаго философскаго значенія представляется довольно трудною. Можно только сказать вообще, что она представляетъ дальнѣйшее развитіе идей Канта, переработанныхъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Платона и англійскихъ интеллектуалистовъ. Придерживаясь субъективныхъ основаній прекраснаго, онъ лишь кое-гдѣ касался объективныхъ его проявленій въ природѣ и жизни, на что впоследствии стали болѣе напирать эстетики-эмпиристы (Фехнеръ и др.)

Но значеніе красовѣды Палацкаго не исчерпывается ея соотношеніями къ Канту и Шиллеру, или къ Платону и Бэкону. Слѣдуетъ отмѣтить, что это было первое самостоятельное философское сочиненіе на новочешскомъ языкѣ. Палацкому пришлось впервые разработать — и очень удачно — всю философскую терминологию этого языка, которая въ значительной мѣрѣ удержалась въ позднѣйшихъ чешскихъ сочиненіяхъ этой области. Палацкій высказывалъ даже въ одномъ изъ писемъ къ Коллару мнѣніе, что „славяне должны мыслить, говорить и дѣйствовать по-славянски, отбросивъ нѣмецкіе буквари“; но въ чемъ именно выразилась славянская народность въ этой эстетикѣ — кромѣ языка — сказать трудно. Можетъ быть въ сердечномъ его стремленіи къ божественному? въ довѣрїи къ высшимъ существамъ и надеждамъ? въ стремленіи примирить Платона и Бэкона? Юма и Канта? Во всякомъ случаѣ Палацкій вынесъ изъ этихъ занятій не только широкое литературное и вообще художественное образованіе, но и навыкъ строго критически думать и выражаться, а вмѣстѣ стремиться къ зерну явленій, искать высшихъ идей и научныхъ обобщеній въ дробныхъ явленіяхъ личной и исторической жизни. Все это очень пригодилось ему потомъ, когда пришлось отъ этихъ общихъ философскихъ вопросовъ перейти къ явленіямъ чешской современности, къ вопросамъ ея жизни язычной и научной, политической и общественной, а наконецъ углубиться въ ея прошлое и стать историографомъ своего народа.

III. По отношенію къ чешскому языку роль Палацкаго была нѣсколько аналогична той, какую въ Россіи сыгралъ Карамзинъ, съ которымъ вообще у Палацкаго имѣется много аналогій, конечно, *mutatis mutandis*.

Когда Палацкій прибылъ въ Прагу въ 1823 г., въ Чехіи шелъ ожесточенный споръ приверженцевъ стариннаго чешскаго языка, развившагося въ гуситскій и протестантскій періоды и закрѣпленнаго въ концѣ 16 в. Кралицкой бібліей

(1579—1593 г.), а затѣмъ — въ 17 в. педагогическими и пансофическими сочиненіями Амоса Коменскаго, — съ одной стороны, а поклонниками новочешскаго языка и образованія — съ другой. Во главѣ перваго или чешско-классическаго направленія стоялъ чешскій Шишковъ Неѣдлый; во главѣ же втораго или модернизирующаго знаменитый чешскій лексикографъ и историкъ литературы Иосифъ Юнгманъ (Младенъ). Къ послѣднему примыкалъ въ вопросахъ правописанія и просодіи Добровскій. Къ нимъ же не только по личной дружбѣ, но и по стремленіямъ къ дальнѣйшему движенію въ области язычно-литературной, примкнулъ и Палацкій. Это имѣло важное значеніе, ибо Палацкій, какъ издатель Часописа чешскаго музея, а впослѣдствіи, какъ чешскій историографъ, какъ самый вліятельный чешскій ученый и даже политикъ, занялъ и долго удерживалъ центральное мѣсто въ ряду чешскихъ писателей. Кромѣ того по своему, хотя твердому и непреклонному, но вмѣстѣ съ тѣмъ примирительному направленію и рѣдкому такту во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, Палацкій сглаживалъ контрасты и крайности обоихъ направленій — архаизирующаго и новаторскаго, приводя ихъ къ мѣрѣ и ко взаимному сближенію. Благодаря этому въ чешскомъ литературномъ языкѣ, какъ онъ установился послѣ довольно продолжительной борьбы этихъ двухъ направленій, законченной къ концу тридцатыхъ годовъ, не произошло столь рѣзкаго разрыва съ языкомъ Штитнаго, Гуса, Хельчицкаго, Велеславины, Коменскаго, какъ напр. это случилось въ языкѣ новосербскомъ по сравненію съ языкомъ славяно-сербскимъ и даже далматинскимъ, благодаря язычному радикализму Вука Караджича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ литературный языкъ новочешскій подъ перомъ Палацкаго и его послѣдователей достаточно сблизился и съ новочешскимъ просторѣчьемъ, слѣдовательно, освѣжился въ своемъ составѣ и строѣ и сталъ болѣе пригоденъ къ выраженію тѣхъ идей, которыя не были извѣстны во времена до Бѣлогорской битвы и составляютъ характеристику новоевропейской культурной жизни. Характерно для Палацкаго его

стремленіе совершенно избѣгать иноязычныхъ терминовъ, чтобы этого рода примѣсами не затруднять распространеніе чешскихъ книгъ между народными массами, которыя предстояло привлечь къ этой литературѣ и культурѣ. Подобно своимъ друзьямъ Юнгману, Шафарику, Челяковскому и другимъ корифеямъ этой литературной школы, Палацкій былъ строгій пуристъ въ лексиконѣ, причемъ можно пожалѣть лишь о томъ, что при выработкѣ новыхъ терминовъ для научныхъ и вообще отвлеченныхъ понятій, эти чешскіе пуристы вовсе не воспользовались богатымъ терминологическимъ наслѣдіемъ языка церковно-славянскаго, которое опредѣлило лексикальный составъ соответствующей области въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Палацкому же принадлежитъ заслуга распространенія чешскаго языка между чешскоморавской шляхтой, которая до того была сильно онѣмечена и отчуждена отъ народной рѣчи.

При немъ же и благодаря ему былъ рѣшенъ вопросъ о единствѣ литературнаго языка для всѣхъ славянскихъ говоровъ не только Чехіи, но и Моравіи, гдѣ были діалектологи, расположенные къ перестройкѣ чешскаго языка по основамъ моравско-валашскаго или другого нарѣчія, какъ болѣе первобытнаго или органическаго, чѣмъ говоръ пражскій. Палацкій показалъ въ очень замѣчательной статьѣ по этому вопросу (въ ССМ. 1832 г.), что чешскій литературный языкъ не создается теперь, а сохраняется отъ времени чешской государственной и народной независимости; что онъ сложился на почвѣ столѣтняго пражскаго говора по тѣмъ же причинамъ, по которымъ это случилось съ лондонскимъ говоромъ въ Англіи, парижскимъ во Франціи, кастильскимъ въ Испаніи, флорентинскимъ въ Италіи, верхнесаксонскимъ въ Германіи; что хотя матерія литературныхъ языковъ мѣняется непрерывно, но форма ихъ къ извѣстному времени устанавливается (напр.: во французскомъ языкѣ со времени Людовика XIV, въ итальянскомъ — съ XVI в. или медичейской эпохи, въ англійскомъ — съ эпохи королевы Анны, въ нѣмецкомъ — съ первой половины 18 в.); что въ чешскомъ языкѣ канонъ

формъ установился съ XVI в., что эти формы языка въ связи съ литературою являются какъ бы палладіумомъ народнаго быта. Не одни мораване и словаки, но и различные чешскіе говоры должны-де дѣлать подобныя жертвы на алтарѣ этого общаго канона, котораго основнымъ памятникомъ является притомъ памятникъ моравскій, а не чешскій, именно, кралицкая библія. Поэтому дальнѣйшіе споры чеховъ и мораванъ о языкѣ должны считаться потерею времени и силъ, приносящими пользу только ихъ недругамъ.

На Моравѣ этотъ голосъ Мораванина восторжествовалъ. Но на Словачинѣ, всѣ усилія Палацкаго (въ Hlasъ o Protřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slovaky 1846) оказались безуспѣшными, и оттуда языкъ чешскоморавскій былъ вытѣсненъ словацкимъ или т. назыв. бернолачиной. Но это совершилось подъ вліяніемъ болѣе широкихъ взглядовъ на задачи общеславянскаго литературнаго языка, въ развитіи которыхъ Палацкій не принималъ дѣятельнаго участія, необходимость котораго онъ отчасти даже отрицалъ: это было одною изъ главныхъ причинъ и нѣкоторыхъ другихъ разочарованій Палацкаго, о которыхъ будетъ сказано ниже.

IV. Когда Палацкій выступалъ въ 1825 и слѣд. годахъ на поле чешской исторіографіи, степень ея предыдущей обработки приблизительно соотвѣтствовала той, на какой находилась русская исторія при выступленіи Карамзина. Публичка приблизительно соотвѣтствовалъ Татищеву, Пельцль — Щербатову, Добнеръ — Болтину, Добровскій — Востокову, кружокъ гр. Штернберка — кружку гр. Румянцева. И значеніе историческихъ трудовъ Палацкаго, особенно его Дѣинъ, въ Чехіи не только не уступаетъ значенію для Россіи исторіи Карамзина, но, пожалуй, еще превышаетъ, потому что въ Чехіи исторія имѣетъ болѣе соотношеній съ политикой, съ правомъ и вообще съ современностію, чѣмъ въ Россіи.

Подобно Карамзину въ Россіи, Палацкій въ Чехіи впервые разработалъ — если не до дна, то все же въ значительной

мѣръ, а главное, строгокритическимъ методомъ — важнѣйшіе архивные матеріалы, т. е., какъ лѣтописи или хроники, такъ и грамоты, земскія доски, акты — политическіе, судебные, церковные и т. д. Значительная часть этихъ archivaria была и издана впервые строгонаучнымъ образомъ Палацкимъ въ „Архивѣ Чешскомъ“. Онъ же впервые разработалъ въ деталяхъ древне-чешскую топографію (см. Popis král. Českého). Наконецъ, онъ представилъ въ прагматическомъ изложеніи Dějiny národa Českého v Moravě съ древнѣйшихъ временъ до 1526 г. (въ 5 томахъ 11 вып.), т. е., за весь періодъ самостоятельной чешской исторіи, до соединенія съ Габсбургами. Для самой важной во всемірноисторическомъ отношеніи эпохи, именно, для Гуса и гуситства имѣется нѣсколько спеціальныхъ работъ Палацкаго (Documenta illustrantia vitam J. Hus; Zur böhmischen Geschichtsschreibung и др.). Кромѣ того имъ издано множество мелкихъ историческихъ статей и изслѣдованій, которыя собраны были имъ въ трехтомномъ сборникѣ Radhošť. Въ Památník'ѣ 1898 г. находится цѣлый рядъ статей, объясняющихъ ходъ историческихъ работъ Палацкаго и научное ихъ значеніе. Для нашихъ цѣлей особенно интересна статья Іосифа Калоусека о руководящихъ мысляхъ въ историческомъ трудѣ Палацкаго. Воспользуемся собранными въ ней данными для характеристики Палацкаго, какъ историка.

Въ своихъ дѣяніяхъ Палацкій является не только критическимъ ученымъ и объективнымъ изслѣдователемъ, но и философомъ, выясняющимъ значеніе то отдѣльныхъ фактовъ, то личностей, то цѣлыхъ эпохъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ патріотомъ, который принимаетъ къ сердцу событія народнаго прошлаго, черпая изъ нихъ и вѣру въ будущее, и поученія, вытекающія изъ подвиговъ и ошибокъ прошлаго для дѣйствующихъ нынѣ на той же нивѣ поколѣній. Выучился Палацкій этой философско-морализующей манерѣ историографіи главнымъ образомъ у англійскихъ историковъ Болингброка († 1751 г.), Блэра (Blount † 1800 г.), Робертсона († 1793 г.), швейцарца Гог.

Мюллера († 1809 г.) и нѣмецкаго историка Генриха Людена († 1847 г.), отчасти также у Гердера, Гиббона и, можетъ быть, у Карамзина, котораго онъ изучалъ еще въ Венгрии. Что же касается того философскаго міросозерцанія, подлѣ угла котораго онъ оцѣнивалъ факты чешской исторической жизни, то оно уже нѣсколько намъ знакомо изъ предыдущаго очерка основъ его „красовѣды“. Хотя міросозерцаніе это нѣсколько смахивало на философскій теизмъ и не вполне совпадало съ теизмомъ христіанскимъ, однако въ своихъ Дѣинахъ Палацкій является искреннимъ поклонникомъ христіанской церкви, считая ея ученіе самымъ чистымъ, возвышеннымъ и совершеннымъ, вполне удовлетворяющимъ религиознымъ потребностямъ человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ. Ученіе Христа о вѣрѣ и нравственности представлялось ему въ высшей степени простымъ, равно возвышеннымъ и общедоступнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всеобъемлющимъ; оно не только не противорѣчило-де разуму, но и служило высшимъ его проявленіемъ. Вліяніе этой исторической церкви на развитіе человѣчества было самымъ благотѣльнымъ, благодаря, между прочимъ, неизмѣримо важному факту соединенія христіанства съ греческой образованностію и съ міровой Римскою Имперіей. Въ періодъ выступленія Славянъ на историческое поприще образованность христіанская, опирающаяся на греко-римскую, имѣла такую силу, что Чехамъ приходилось или поскорѣе подчиниться ей, какъ они и поступили, или вступить съ нею въ борьбу и погибнуть, какъ это случилось съ Бодричами, Лютичами, Ратарями и другими ихъ соплеменниками.

Тутъ нельзя не отмѣтить, что Палацкій не придавалъ существеннаго значенія дуализму образованности античной — греческой и римской, а равно и развитой на ея корняхъ образованности восточнохристіанской и западнохристіанской. Вслѣдствіе того онъ не могъ оцѣнить истиннаго значенія многихъ эпохъ чешской исторіи, напр., Ростиславовой или Св. Меѳодіевской, затѣмъ Людмилы-Вячеславовой (10 в.), далѣе Про-

коповой (11 в.), Гусо-Иеронимовой (14—15 в.), и даже отчасти чешско-братской, какъ это показано въ критикѣ Елагина на Дѣины, а также въ сочиненіяхъ Новикова, Гильфердинга, Ламанскаго и нѣкоторыхъ младшихъ чешскихъ историковъ.

Что касается отношенія Палацкаго къ конфессіональнымъ спорамъ стараго и новаго времени, то, будучи не католикомъ и не православнымъ, а протестантомъ, выводившимъ свои религіозныя воззрѣнія изъ эпохи гуситской и чешскобратской, онъ однако старательно избѣгалъ всякой вѣроисповѣдной партійности въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій и стремился къ примиренію возникшихъ на этой почвѣ разногласій и споровъ принципами вѣротерпимости и справедливости.

Затѣмъ, въ исторіи Палацкимъ при оцѣнкѣ событій очень часто примѣнялся принципъ взаимодействія двухъ силъ, отражающихъ дуализмъ, напр., духа и матеріи, свободы и авторитета, разума и чувства, добра и зла, власти духовной и свѣтской, имперіи и папства, централизма и федераціи, католичества и протестантизма, германизма и славизма, космополитизма и національности и т. п. Идея объ этомъ дуализмѣ силъ и ихъ проявленій въ жизни и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ красной нитью тянется черезъ всѣ его Дѣины. Зародилась же она, повидимому, подъ влияніемъ того дуализма (или полярности), который въ философіи Шеллинга является главною основою натуръ-философіи. Идеаломъ же историка въ этомъ отношеніи является постепенное примиреніе этого дуализма или контрастовъ и ихъ сліяніе въ конечной гармоніи, въ смыслѣ либо совпаденія въ среднемъ терминѣ этихъ контрастовъ, либо торжества принципа высшаго надъ низшимъ, напр. духа надъ матеріей, добра надъ зломъ и т. п. Частичныя проявленія такого торжества онъ замѣчалъ и въ фактахъ исторіи, напр., въ побѣдѣ славянскаго духа и славянской жизни надъ дикими степняками въ родѣ скивовъ, сарматовъ, гунновъ, аварь, болгарь, хазарь, печенѣговъ, татарь, даже варяговъ и другихъ поработителей, которые въ концѣ концовъ восаны славянствомъ и потонули въ немъ; въ побѣдѣ гуси-

товъ надъ ратями нѣмцевъ, обусловленной-де не только военнымъ искусствомъ и геніальностью гуситскихъ вождей, но и большею личною свободою и образованностью простонародья гуситскаго по сравненію съ нѣмецкимъ той эпохи. Подобными условіями объяснялъ Палацкій живучесть идей, завѣщанныхъ чехамъ Св. Меѳодіемъ, по сравненію, напр., съ политическимъ сооружеіемъ Святополка Великоморавскаго, не пережившимъ бурь 10 в. за отсутствіемъ въ его личности и дѣятельности прочной этической основы.

Что касается сліянія полярностей въ среднемъ терминѣ, то Палацкій желалъ такового, напр., въ контрастахъ свободы и авторитета, чтобы наконецъ разумъ пользовался авторитетомъ, а послѣдній былъ разумнымъ. Важность момента личной свободы Палацкій доказывалъ и нѣкоторыми событіями чешской исторіи, напр., противопоставленіемъ чешскихъ побѣдъ 1420 г. и неудачъ 1620 г., объясняемыхъ-де тѣмъ, что въ гуситскую пору массы чешскаго народа дѣйствовали какъ совокуиность свободныхъ единицъ, тогда какъ въ эпоху Бѣлогорскаго погрома народъ былъ уже закрѣпощенъ верхними слоями, а потому довольно безучастенъ къ судьбамъ своего государства. Необходимость же авторитета въ средѣ свободныхъ единицъ онъ подтверждалъ, между прочимъ, позднѣйшею разрозненностью гуситовъ, разбитыхъ на мелкіе толки, а потому взаимно себя парализовавшихъ и наконецъ павшихъ жертвою реакціи и эксплуатаціи.

Аналогичнымъ образомъ и дуализмъ имперіи и папства, опредѣлявшій цѣлые вѣка европейской жизни, разрѣшился-де не торжествомъ одного изъ нихъ, а ослабленіемъ обоихъ въ пользу новаго начала, именно, народности, которое, прежде всего, выдѣлилось въ Чехіи (съ 1400 г.), а потомъ и въ другихъ странахъ Европы, слившись съ началами демократизма и общественнаго мнѣнія.

Противоположность католицизма и протестантизма представлялась Палацкому основанною на различіи, съ одной стороны, принципа авторитета, а съ другой — разума, сознанія,

свободы. Съ этимъ связано и то, что католицизмъ опирается болѣе на преданіе, а протестантизмъ на писаніе; тотъ доступнѣе-де народнымъ массамъ, склоннымъ къ довѣрію; этотъ же — болѣе развитымъ умамъ, стремящимся къ самостоятельности и свободѣ. Этотъ дуализмъ въ сферѣ религіи представляется Палацкому явленіемъ провиденціальнымъ, такъ какъ изъ взаимодействія столь противоположныхъ принциповъ вырабатывалось болѣе широкое и глубокое мірозерцаніе. Въ средніе вѣка отъ неумѣренной силы католицизма возникаютъ въ лонѣ его грѣхи какъ мысли, такъ и совѣсти, и въ концѣ концовъ въ Европѣ могло бы развиваться нѣчто въ родѣ азіатскаго Далай-Ламизма, если бы противъ папства не выступили борцы за свободу мнѣнія и толкованія Св. Писанія. Первымъ изъ нихъ былъ І. Гусъ, котораго Палацкій считаетъ основателемъ протестантизма, слѣдовательно, новой эпохи въ развитіи христіанства. Потому-то Палацкій видѣлъ въ гуситствѣ не только важнѣйшую эпоху чешской исторіи, но и главнѣйшую заслугу Чеховъ на полѣ всемірной исторіи.

Впрочемъ, хотя симпатіи Палацкаго явно лежатъ на Гусѣ, однако и его противниковъ онъ не осуждаетъ съ плеча, допуская и въ ихъ средѣ добрыя цѣли, при нехорошихъ дѣйствіяхъ, которыя встрѣчались и между защитниками Гуса.

Пользу гуситства онъ доказывалъ для своихъ читателей католиковъ и тѣмъ, что, вызвавъ протестантизмъ, оно привело затѣмъ къ реформѣ латинской церкви, которая затѣввалась, правда, и раньше, на соборахъ 15 в., но фактически проведена, впрочемъ лишь отчасти, только соборомъ Тридентинскимъ. Иначе католицизмъ выродился бы-де въ византизмъ (Рам. 129).

Что касается отношеній Палацкаго къ православію, то, какъ выше отмѣчено, онъ не замѣчалъ еще его отдаленныхъ связей съ культурою греческой, а затѣмъ съ византійской и вообще считалъ его какъ бы второстепеннымъ явленіемъ въ великомъ антагонизмѣ католицизма и протестантизма. Потому-то онъ не оцѣнилъ и въ чешской исторіи значенія преданій

кирилло-меоодіевскихъ, ихъ связи, напр., съ гуситствомъ и съ чешскобратскимъ ученіемъ, а въ послѣдствіи съ идеями славянскаго, въ томъ числѣ и чехословенскаго, возрожденія. Для Чеховъ 19 в. православіе казалось ему не подходящимъ по двумъ причинамъ: 1) православное богослуженіе, въ которомъ проповѣдь играетъ второстепенную роль, говорить-де болѣе чувству, чѣмъ разсудку, и 2) чехи не могли бы перенести излишней строгости православныхъ постовъ! Столь поверхностный взглядъ въ писателѣ вообще глубококомъ объясняется тѣмъ, что Палацкій не придавалъ серьезнаго значенія догматическимъ основамъ религіи, а болѣе напиралъ на ея этическія соотношенія, и что его пониманіе историческаго христіанства было нѣсколько затуманено идеями философскаго теизма, которыми онъ увлекался въ своей ранней молодости.

Относительно общаго характера или основныхъ чертъ чешской исторической жизни Палацкій выражался такъ: „такъ какъ чешская земля расположена въ срединѣ и какъ-бы въ сердцѣ Европы, то и ея народъ въ теченіе многихъ вѣковъ былъ средоточіемъ, въ которомъ не безъ борьбы соприкасались различные элементы и начала новоевропейской жизни — народной, государственной, церковной. Особенно можно здѣсь воочію видѣть продолжительный споръ и взаимное соприкосновеніе элементовъ — римскаго, нѣмецкаго и славянскаго въ Европѣ“ (Pal. Nar. 28 стр.). Случилось это такъ. Когда нѣмецъ вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ великое наслѣдіе Рима, мирный славянинъ, подвигаясь тихонько за нимъ, осѣлъ рядомъ. Съ нимъ вступилъ въ европейскую жизнь новый народный элементъ, не менѣе благородный, но не менѣе и производительный. Свобода и равенство всѣхъ гражданъ, какъ сыновъ одной семьи, было главною чертою древнихъ славянъ: о если-бы съ этимъ было связано и согласіе ихъ между собою! Желая въ мирѣ пользоваться плодами своей нивы, славянинъ тѣмъ чаще подчинялся волѣ инородцевъ! Чтобы не погибнуть, славянинъ вынужденъ былъ наконецъ постепенно измѣнить свой образъ жизни и привить къ

своей народности элементы римскіе и нѣмецкіе Вслѣдствіе того главное содержаніе и основную черту чехоморавской исторіи составляет непрерывное соприкосновеніе и столкновеніе славянства съ романизмомъ и нѣмечиной. А такъ какъ романизмъ соприкасался съ Чехіей не непосредственно, а почти исключительно черезъ нѣмечину, то чешская исторія сосредоточивается главнѣйшимъ образомъ на спорѣ съ нѣмечиной или на воспріятіи и отверженіи нравовъ и обычаевъ нѣмецкихъ Чехами Хотя такимъ образомъ чешскій народъ принялъ въ свою жизнь много нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе не пересталъ быть славянскимъ. И нынѣ на немъ лежитъ та же, обусловленная географіей, задача: быть мостомъ между нѣмечиной и славянствомъ, вообще между востокомъ и западомъ Европы.

Одну изъ главныхъ задачъ своей жизни и писательской дѣятельности, особенно въ области исторіи, Палацкій видѣлъ въ выясненіи особенностей чешскаго народнаго духа и въ облегченіи торжества скрытыхъ въ немъ идей и идеаловъ надъ чуждыми, именно нѣмецкими. Этому факту не мѣшалъ нѣмецкій языкъ, на которомъ появились первые томы Дѣинтъ: лишь съ 1848 г. они постепенно начали переиздаваться и на чешскомъ языкѣ. Можно при извѣстныхъ условіяхъ быть славянскимъ писателемъ и на нѣмецкомъ языкѣ (ср. Добровскій, Шафарикъ, отчасти и Колларъ) или французскомъ (ср. Хомяковъ), а съ другой стороны — нѣмецкимъ писателемъ на чешскомъ или русскомъ языкѣ (славянскіе западники). Конечно, въ Чехіи это труднѣе, чѣмъ индѣ, вслѣдствіе вѣкового взаимодѣйствія чеховъ съ нѣмцами и постепенной выработки на этой почвѣ какъ бы средняго, смѣшаннаго, славяно-нѣмецкаго типа, основаннаго на смѣшанномъ же міросозерцаніи и двуязычій образованныхъ слоевъ общества. И въ самомъ Палацкомъ, какъ протестантѣ, было не мало нѣмецкаго, вслѣдствіе чего и въ освѣщеніи разныхъ эпохъ чешской исторіи, особенно гуситства, у него замѣчается склонность все сводить къ постепенной выработкѣ протестантизма, причемъ

Гусъ, Иеронимъ Пражскій, Хельчицкій являлись не болѣе, какъ предтечами Лютера, Кальвина, Цвингли и вообще реформаторовъ 16 в. Но мы не можемъ винить его въ этомъ отношеніи, разъ такъ сложилась историческая школа и чехомораванъ вообще, и его самого въ частности. Все же мы должны признать, что онъ всегда старался быть историкомъ объективнымъ и воздавать каждому должное. Онъ даже упрекали Далимила и Бальбина за излишнее нерасположеніе къ нѣмцамъ. Съ другой стороны не нужно забывать, что Дѣины были написаны по порученію чешскихъ земскихъ чиновъ, т. е., шляхты, въ которой нѣмецкій элементъ и тогда былъ очень силенъ; что австрійская цензура въ эпоху Меттерниха, а потомъ Баха ревниво охраняла въ австрійской исторіографіи специально австрійскія точки зрѣнія, довольно близкія вообще къ нѣмецкимъ, именно католическо-нѣмецкимъ, слѣдовательно, непріязненныя всему славянскому, такъ что въ 1830 г. цензура не пропустила славянскаго изслѣдованія о церковнославянскомъ житіи Св. Вячеслава (Востокова) какъ несогласномъ съ народнымъ вѣрованіемъ о Св. Людмилѣ и Вячеславѣ. Въ 1844 г. даже возникли затрудненія при изданіи изслѣдованій Палацкаго о гуситствѣ, едва не заставившія его совершенно отказаться отъ чешской исторіографіи. Между прочимъ, цензура рѣшительно воспротивилась помѣщенію въ Дѣинахъ хвалебнаго отзыва Поджіо Браччіолини о Иеронимѣ Пражскомъ (Томекъ въ Рам. 69). Вѣроятно, по этой причинѣ въ Дѣинахъ лишь въ слабой мѣрѣ отражается его особенное пристрастіе къ чешскобратской церкви 16 в., унаслѣдованное имъ отъ предковъ, принадлежавшихъ, повидимому, именно къ ней. И аристократизмъ, въ которомъ иногда упрекали Палацкаго, былъ въ немъ скорѣе политикой, чѣмъ историческимъ убѣжденіемъ, хотя, конечно, судьба таборитовъ и другихъ крайнихъ вѣтвей гуситства, а затѣмъ охлократическія движенія въ Прагѣ 1848 г., еще болѣе въ Вѣнѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, — заставили его усомниться въ благахъ распущеннаго демократизма, не связаннаго ни централизующей властью государя,

ни облагораживающими стремлениями образованных классов населения.

Кромѣ того, Палацкій, какъ человѣкъ высшихъ стремленій, не считалъ себя рабомъ своей чешской или славянской народности и относился критически къ своему чехизму и славянизму, отправляясь отъ высшихъ идей гуманизма и христіанства. Его девизомъ было: „svoji k svému, a všdy dla pravdy“, слѣдовательно, Чехъ долженъ стоять за Чеховъ, но только въ границахъ и на основахъ правды, высшихъ этическихъ началъ. За то онъ былъ положительнымъ врагомъ того безплоднаго космополитизма, который распыляется quasi на все человѣчество, т. е., льетъ бальзамъ въ океанъ, а на самомъ дѣлѣ является маской себялюбія и нежеланія облегчать реальное горе хотя бы одного реального человѣка или кружка.

V. Остается еще остановиться на общественно-политическомъ міросозерцаніи Палацкаго, которое очень умѣло изображено въ статьѣ Адольфа Серба (Srb, Pam. 545 и слѣд.)

Въ періодъ Меттерниховскаго бюрократическаго абсолютизма ни Палацкій, ни кто-либо другой изъ образованных чеховъ не могъ заниматься политикой въ собственномъ смыслѣ, а развѣ будить народъ, развивать его самосознаніе и готовить къ самодѣятельности на болѣе широкомъ полѣ. Этой цѣли должны были служить и Дѣины, а также многія къ нимъ примыкающія статьи и историческія изслѣдованія Палацкаго. Особенно онъ внушалъ соплеменникамъ освободиться отъ роковой разрозненности славянъ и въ томъ числѣ чеховъ, которая особенно гибельна потому, что враги ихъ, нѣмцы, дѣйствуютъ сплоченными массами.

Большое вниманіе обращалъ при этомъ Палацкій на чешскую аристократію, въ среду которой онъ былъ введенъ Добровскимъ и на которую приобрѣлъ вліяніе своимъ тактомъ, умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, особенно историческимъ и юридическимъ. Въ 1842 г. Палацкій, какъ мы видѣли изъ его автобіографіи, читалъ во дворцѣ кн. Карла Шварценберга

даже особый курсъ о самомъ главномъ предметѣ изъ исторіи чешскаго государственнаго права, именно, о чешскихъ сеймахъ, ихъ организаціи и компетенціи въ разные періоды чешской исторіи. Эти чтенія не остались безплодными въ дальнѣйшемъ развитіи чешскаго вопроса, чешскаго государственно-историческаго права.

Въ 1846 г. Палацкій писалъ записку по вопросу о феодализмѣ и централизмѣ, въ которой рѣшительно высказался противъ навязанныхъ чехамъ со времени Оттокара II нѣмцами феодальныхъ основъ земскаго строя и за старочешское участіе въ управленіи всѣхъ классовъ народа, что болѣе соотвѣтствуетъ-де и духу 19 в. Что касается централизма, то Палацкій считалъ его уже прошедшимъ свою кульминаціонную точку. Противовѣсь ему онъ видѣлъ въ возрастающей силѣ общественнаго мнѣнія и въ принципѣ народности, который выступилъ въ 19 в. на мировую сцену.

Когда возникли конституціонныя теченія въ Австріи 1848 г., Палацкій съ большимъ одушевленіемъ и нѣсколько сантиментальнымъ оптимизмомъ привѣтствовалъ ихъ въ „Пражскихъ Новинахъ Гавличка“ (мартъ 1848 г.) выражая мнѣніе, что отнынѣ нѣмецъ не будетъ имѣть въ Чехіи преимущества предъ чехомъ, что во всѣхъ ея школахъ впредь всѣ будутъ одинаково изучать оба языка, которые вслѣдствіе того немедленно проникнутъ въ администрацію, гдѣ до того господствовалъ нѣмецкій языкъ на ряду съ испорченнымъ чешскимъ жаргономъ. Тѣ же идеи отстаивалъ Палацкій въ собраніи чешскихъ писателей обѣихъ народностей, какъ упомянуто выше.

Нѣмцы сначала соглашались на полную равноправность двухъ народностей въ Чехіи, но потомъ измѣнили взглядъ подѣ вліяніемъ пангерманистовъ изъ Франкфурта, которые и Палацкаго хотѣли заманить къ себѣ на совѣщаніе или судъ. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ (апр. 1848 г.) Палацкій выяснилъ историкополитическія отношенія Чехіи къ Австріи, а равно къ Германской Имперіи, указавъ, что хотя чешскіе государи входили въ число имперскихъ князей (какъ курфюрсты Имперіи),

однако чешскій народъ никогда не причислялъ себя къ нѣмецкому и другими не былъ къ нему причисляемъ, такъ что взаимоотношенія Чехіи съ Германіей должны быть принимаемы за связь государя съ государемъ, а не народа съ народомъ. Поэтому стремленіе нѣмцевъ присоединить къ себѣ чешскій народъ представляетъ новизну, не имѣющую никакихъ историко-правовыхъ основаній. Такимъ стремленіямъ Палацкій содѣйствовать-де не можетъ, равно какъ и стремленію лишить Австрію политической самостоятельности. При этомъ случаѣ Палацкій произнесъ извѣстный афоризмъ, который онъ впоследствии старался нѣсколько ограничить и обусловить, что „если бы Австріи не было, то ее нужно было бы немедленно постараться образовать“ въ интересахъ не только чешскаго, но и другихъ австрійскихъ народовъ, да и всего человѣчества. Въ мотивировкѣ этого положенія, которое нѣсколько напоминаетъ Вольтеровскій афоризмъ: „если бы Бога не было, то его нужно было бы выдумать“, Палацкій сослался, между прочимъ, на опасность для Европы и всего человѣчества отъ возрастающей міровой державы Русской: „это было бы-де необозримымъ и невыразимымъ зломъ, несчастіемъ безъ мѣры и границъ, котораго я — хотя славянинъ тѣломъ и душою — всего менѣе бы желалъ и въ томъ случаѣ, если бы Имперія была провозглашена славянскою“. Отвергая упрекъ въ нерасположеніи къ русскимъ, онъ однако сознается, что при всей любви къ своему народу выше ставить интересы общечеловѣческіе и научные, чѣмъ народныя, а потому идея универсальной русской монархіи имѣетъ-де въ немъ самаго рѣшительнаго противника, не потому что она была бы русская, а потому что была бы универсальная“. Потому-то Палацкій желалъ не только сохраненія Австріи, но и дальнѣйшаго развитія ея особенно на Востокъ, въ союзѣ, если нужно, съ Германіей и даже на началахъ таможеннаго единства. Это мнѣніе Палацкій образовалъ на почвѣ тѣхъ историко-культурныхъ недоразумѣній во взглядахъ его на основы европейской образованности, отмѣченныхъ выше; благодаря этимъ взглядамъ Палацкій ни-

когда не могъ оцѣнить значенія восточнохристіанскихъ основъ ни въ религіозной, ни въ общественной, ни въ другихъ культурныхъ областяхъ. Потому-то и взглядъ Палацкаго на значеніе Византіи въ древніе вѣка, а Россіи — въ новые не отличался ни глубиною, ни вѣрностію.

Впрочемъ, мы не станемъ этому удивляться, если вспомнимъ, что и въ самой Россіи не только того (Чаадаевъ), но и много позднѣйшаго времени (Спасовичъ, Вл. Соловьевъ и мн. др.) не переставали высказываться въ обществѣ и печати совершенно аналогичные взгляды — о единствѣ высшей міровой образованности, выражающейся въ жизни народовъ западно-европейскихъ и о плеонастическомъ отношеніи къ ней всякой другой христіанской образованности, слѣдовательно и Византійско-русской.

Одновременно съ вышеупомянутымъ письмомъ къ Франкфуртскому сейму, Палацкій вступилъ въ сношенія съ чешской шляхтой и совѣтовалъ ей добровольно отказаться отъ сословныхъ привилегій, опредѣленныхъ земскимъ уложеніемъ Фердинанда II отъ 1627 г., въ видахъ замѣны устарѣлаго строя сословнаго новымъ земскимъ, который долженъ быть выработанъ всесословнымъ земскимъ сеймомъ. Но чешская шляхта не рѣшилась на такой актъ самоограниченія! . . . Когда въ апрѣлѣ 1848 г. возникъ вопросъ о назначеніи Палацкаго министромъ народн. просвѣщ., онъ представилъ гр. Пиллерсдорфу записку, въ которой, отклоняя это предложеніе, излагаетъ свои политическія воззрѣнія, а именно — признаетъ себя политикомъ искренно либеральнымъ, стремящимся къ уничтоженію всѣхъ остатковъ феодализма и къ автономіи земскихъ группъ, образуемыхъ народностями.

Въ апрѣлѣ 1849 г. Палацкому пришлось быть предсѣдателемъ Славянскаго съѣзда въ Прагѣ, который — при участіи и нашего Бакунина — издалъ нѣсколько фразеологическій манифестъ о правахъ человѣка и человѣчества съ протестомъ противъ политики насилій и съ требованіемъ уравниенія правъ и обязанностей каждаго, такъ чтобы Австрія стала союзомъ равноправныхъ народовъ, ко благу не только

славянъ, но и вообще на пользу свободы, просвѣщенія и гуманности. Извѣстно, что этотъ съѣздъ былъ разогнанъ картечью Виндишгреца, почему и остался безплоднымъ для дальнѣйшихъ успѣховъ славизма въ Австріи. Да и возможны ли были эти успѣхи, если по идеямъ большинства членовъ этого съѣзда Австрія должна была сдѣлаться второй славянской имперіей, призванной служить Западу противъ Россіи, т. е., настоящаго, восточнаго славизма?

Во время засѣданія Имперскаго Сейма въ Вѣнѣ, а позже въ Кромърижѣ въ 1848—49 гг. Палацкому пришлось въ составѣ особой парламентской комиссіи заняться составленіемъ проекта австрійской конституціи. При этомъ онъ руководился образцами конституцій французской и особенно бельгійской (1831 г.) и ученіемъ нѣмецкихъ публицистовъ Роттека и Велькера — пангерманистовъ издателей Staatslexikon'a, который тогда былъ очень авторитетенъ. Подобно этимъ конституціямъ онъ считалъ народъ единственнымъ источникомъ права, хотя стоялъ за наслѣдственную монархію. Но его особенность заключалась въ томъ, что онъ расширялъ понятіе свободы общественной и политической еще на свободу народностей; отсюда его идея національнаго федерализма. Онъ считалъ тогда невозможнымъ образовать такую федерацію изъ уцѣлѣвшихъ въ Австріи областей, которыя, съ одной стороны, очень неравномѣрны по объему (напр., Галиція и Форарльбергъ или Триестъ и Чехія), съ другой стороны, обладаютъ весьма неравномѣрными правами и наконецъ слагаются нерѣдко изъ разныхъ племенныхъ группъ.

Въ Вѣнскомъ проектѣ Австрійской конституціи Палацкій принималъ четыре племенныхъ группы:

- I. Земли польскія (со включеніемъ червоно-русскихъ, т. е. Краковъ, Галичъ, Буковина).
- II. Земли чешскія (Чехія, Моравія, Силезія).
- III. Земли нѣмецкоавстрійскія (Австрія, Зальцбургъ, Тироль, Форарльбергъ, Штирія).
- IV. Земли иллирскія (Хорутанія, Крайна, Приморье, Далмація).

Эти четыре группы у Палацкаго дѣлятся на 10 Ländergebiete, изъ коихъ каждый долженъ будетъ имѣть свой сеймъ, съ резиденціями властей въ городахъ Львовѣ, Бернѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Лицѣ, Инсбрукѣ, Грацѣ, Люблянѣ, Триестѣ и Задрѣ.

По Кромърижскому же проекту племенные группы слѣдующія :

1) польская, 2) чешская, 3) нѣмецкая, 4) иллирская, 5) итальянская, 6) южнославянская, 7) мадыарская, 8) румынская.

Къ 1-ой принадлежатъ — Галичъ, Краковъ, Буковина, Угрославская область.

Ко 2-ой Чехія, Моравія, Силезія и Словачина.

Къ 3-ей Австрія, Зальцбургъ, Форарльбергъ, нѣмецкая Штирія, нѣм. Хорутанія, нѣм. Тироль, нѣм. Чехія, нѣм. Моравія и нѣм. Силезія.

Къ 4-ой Словинскія части Штирії, Хорутанія, Крайна и Приморья.

Къ 5-ой Триентино, Венеція, Ломбардія.

Къ 6-ой Далмація, Хорватія, Славонія и Воеводина.

Къ 7-ой Мадыарская часть Угрии и Семиградія.

Къ 8-ой Румынская часть Угрии, Семиградія и Буковины.

И въ своей статьѣ о централизмѣ въ Пражскихъ Новинахъ 1849 г. Палацкій еще разъ вернулся къ этому проекту, причѣмъ только онъ соединилъ племенные группы югославянскую и иллирскую, вслѣдствіе чего такихъ группъ уже оказалось 7 вмѣсто 8.

Каждая изъ группъ должна была имѣть свой сеймъ изъ избираемыхъ представителей, самостоятельно вѣдающій школами и судами и всѣми другими автономными дѣлами (культуромъ, земледѣліемъ, промышленностью и т. п.) и избирающій депутатовъ въ сеймъ общеимперскій, делегацію земскихъ или народныхъ группъ, для дѣлъ общихъ, т. е., относительно немногихъ въ сравненіи съ дѣлами отдѣльныхъ сеймовъ. Во главѣ каждой группы долженъ стоять губернаторъ, канцлеръ, намѣстникъ, вице-король (mistokral) или министръ, имѣющій голосъ и въ общеимперскомъ министерствѣ (гдѣ сверхъ ихъ

засѣдаютъ министры — иностранныхъ дѣлъ, военный, финансовъ, торговли и общественныхъ работъ).

Изъ этого видно, что Палацкій довольно самостоятельно взглянулъ тогда на вопросъ о федеративномъ переустройствѣ Австріи, гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ какъ онъ писалъ объ этомъ впослѣдствіи, въ 1860—70-хъ годахъ, когда на первый планъ поставлена была идея федераціи не народностей, а историко-политическихъ группъ, съ легкой руки гр. Кламъ Мартинаца и другихъ чешскихъ магнатовъ, соблазненныхъ въ этомъ отношеніи идеями бар. Этвеша и успѣхами мадьяръ со времени Деака и Бейста.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ взглядовъ (или, по крайней мѣрѣ, политики) Палацкаго по вопросу о составныхъ частяхъ Австрійской федераціи, нѣсколько пошатнулись и его взгляды на отношеніе строя сословнаго къ земскому въ видѣ уступокъ феодальной старинѣ и желаніямъ новочешской шляхты. Но эта связь не усилила ни Палацкаго, ни чешскаго народнаго дѣла, которое со времени конституціи пошло все хуже, особенно съ введенія Австро-Венгерскаго дуализма въ 1867 г. Эти внутреннія неудачи содѣйствовали постепенному отрезвленію Палацкаго отъ грѣховъ руссофобіи, которые мы отмѣтили въ немъ въ 1848—49 гг. Въ 1863 г. Палацкій даже разошелся со многими изъ своихъ друзей изъ-за польско-русскаго вопроса, въ которомъ онъ принималъ сторону не поляковъ, вопреки большинству чешскаго, да и вообще католическо-славянскаго образованнаго общества. Бунтъ 1863 г. Палацкій считалъ самоубійствомъ поляковъ. Это привело даже къ раздѣленію чешскаго общества и печати на старочешскую (съ Палацкимъ, Ригеромъ, Браунеромъ во главѣ) и младочешскую (Сладковскій, Грегръ), которое не исчезло и до настоящаго времени.

Въ сборникѣ политическихъ статей: „Idea statu Rakouského“, Палацкій не только высказывается съ еще большей энергіей противъ абсолютизма и феодализма, не только ратуетъ за право славянъ развивать свою народность въ Австріи съ

такой же свободой, какъ это дѣлають нѣмцы, но и заявляетъ, что, вступаясь въ 1848 г. за Австрію, онъ предполагалъ въ ней мать, а не мачиху ея народовъ; если же это предположеніе не вѣрно, то и выводъ изъ него долженъ быть взятъ назадъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разъясняетъ, что, такъ какъ съ 1848—49 г. географическо-этнографическія основы Австріи вновь консолидировались, то теперь нельзя уже ее перестроить на племенныхъ, а развѣ на историкополитическихъ основаніяхъ. Дуализмъ Палацкій считаетъ еще болѣе гибельнымъ для Австріи, чѣмъ централизацию: это-де два централизма — нѣмецкій и мадьярскій, а два зла хуже чѣмъ одно!

При федеративной перестройкѣ Австріи Палацкій совѣтуетъ, относительно размежеванія сферъ центрального и областного управления, держаться старовенгерской конституціи: въ чемъ нельзя было издавна отказать Венгріи, то должно-де быть предоставлено и прочимъ Австрійскимъ областямъ.

Если же славяне не получаютъ-де въ Австріи равноправности, то съумѣють устроиться и безъ нея, ибо они были и до Австріи, будутъ и послѣ нея.

Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ разочарованій, особенно со времени дуализма Палацкій чаще сталъ думать объ отношеніяхъ своего народа къ славянству и Россіи и рѣшилъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Ригеромъ предпринять поѣздку въ С.-Петербургъ и Москву на этнографическую выставку и сопровождавшій ее общеславянскій съѣздъ 1867 г. Изъ исторіи этого съѣзда напечатано въ Рам. стр. 137 воспоминаніе А. О. Патера эпизода, имѣвшаго мѣсто при прощаніи Палацкаго съ петербургскими знакомыми: „15 іюля при прощальномъ завтракѣ въ С.-Петербургѣ въ Бельвю Палацкій отъ имени славянскихъ гостей благодарилъ за гостепрѣмство и поднялъ здравицу во славу великаго русскаго народа. Здравница, произнесенная по-чешски, была принята съ одушевленіемъ. Въ это время изъ среды собесѣдниковъ выступилъ незамѣченный нами ранѣе офицеръ, могучаго сложенія, съ искрящимися глазами и съ орденами на груди. Приблизившись къ

Палацкому, онъ сталъ говорить съ возрастающимъ одушевленіемъ, но такъ быстро, что Палацкій затруднялся понять его русскую рѣчь. Но чувство его пробивалось все сильнѣе, наэлектризовывая всѣхъ присутствующихъ, и когда наконецъ русскій офицеръ, выхвативъ изъ ноженъ длинный мечъ, воскликнулъ: „tu me defendas calamo, ego te defendam gladio“, то Палацкій въ волненіи обнялъ его и трижды поцѣловалъ. Офицеръ этотъ былъ Африкановичъ-Терентьевъ, одинъ изъ героевъ кавказскихъ и азіатскихъ войнъ“.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что подобнаго рода рѣчи русскихъ людей, въ которыхъ Россія представлялась какъ бы рукою славянства, а Чехія его головою, имѣли и вредное вліяніе, потому что утверждали и Палацкаго, и многихъ другихъ чеховъ въ мысли, что въ мірѣ идей Россія не представляетъ для нихъ и вообще для славянъ ничего своеобразнаго и полезнаго и что слѣдовательно она призвана какъ доннынѣ такъ и впредь играть роль школьника не только по отношенію къ большимъ культурнымъ народамъ Запада, но и ихъ второстепеннымъ спутникамъ, какими приходилось быть въ теченіе многихъ вѣковъ полякамъ, чехамъ, словенцамъ, хорватамъ. Этого рода предразсудками объясняется и попытка Палацкаго съ Ригеромъ во время московскаго славянскаго съѣзда 1867 года примирить русскихъ съ поляками. Но тамъ находились люди, которые хорошо знали суть русско-польскаго вопроса, какъ, напр., кн. Черкасскій, Юр. Самаринъ, Ив. Аксаковъ, М. Катковъ; они разъяснили Палацкому и его единомышленникамъ, что между русскимъ и польскимъ народомъ нѣтъ вражды, а есть таковая въ средѣ польскаго клира и польской шляхты, вообще, польской интеллигенціи, которая задалась мыслью оторвать не только польскій народъ, но и половину русскаго отъ тѣхъ культурныхъ корней, на которыхъ послѣдній издревле развивается, которые связываютъ его съ дѣятельностью Св. Кирилла и Меѳодія, Св. Прокопа, Св. Савы, І. Гуса, Геронима Пражскаго и множества другихъ великихъ подвижниковъ славянскаго прошлаго.

На московскомъ съѣздѣ 31 мая 1867 г. зять Палацкаго Ригеръ пытался дать общеславянское признаніе и освѣщеніе тому взгляду на формы культурной взаимности славянъ (въ частности въ вопросѣ общеславянскаго литературнаго языка), который всегда поддерживался Палацкимъ и его единомышленниками въ Чехіи и другихъ славянскихъ странахъ.

„Славянскія нарѣчія, сказалъ Ригеръ, такъ близки между собой, что, будь на то Божья воля, мы стали бы однимъ народомъ по литературѣ и языку. Но Богъ и тысячелѣтняя исторія судили иначе. Раздѣленные по разнымъ краямъ и разбитые на отдѣльныя народности мы должны были итти каждый своей дорогой . . . Думаю, что при наилучшемъ желаніи нельзя уже забыть своей тысячелѣтней исторіи. Все, чего мы, славяне, можемъ достигнуть, это — единеніе въ духѣ и любви, это — твердое памятованіе, что мы дѣти одной матери, и какъ братья призваны взаимно помогать другъ другу въ нашихъ усиліяхъ. Поляки имѣли своего Коперника и Мицкевича, сербы — Душана и Гундулича, русскіе — Нестора и Ломоносова, но обще-славянской науки, оживленной однимъ духомъ, мы еще не имѣли. Мы чувствуемъ, что это ослабляло насъ въ прошедшемъ. А между тѣмъ, какъ младшій изъ міровыхъ народовъ, мы скоро будемъ призваны принять активное участіе на поприщѣ всемірнаго труда Но какъ намъ приняться за его совершеніе? Передъ нами открыты въ этомъ отношеніи двѣ дороги: мы должны избрать либо полное единство, либо разнообразіе въ гармоніи. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба всего славянства. При этомъ невольно вспоминаются греки, которые при всемъ различіи своихъ нарѣчій возростили однако роскошные цвѣты образованности. Цвѣты этой древнегреческой образованности развивались въ полномъ разнообразіи Вотъ путь, по которому должно двигаться и славянство. Быть можетъ, многіе предпочли бы слиться тѣломъ и духомъ въ одно цѣлое, но тысячелѣтняя исторія не стирается безслѣдно . . . Я того мнѣнія, что различіе частей не исключаетъ единства: его нужно искать въ

гармоніи всѣхъ частей . . . Если бы всѣ московскіе колокола слить въ одинъ громадный колоколъ, еще больше Ивана Великаго, то звукъ этого колокола - богатыря былъ-бы, конечно, силенъ, но впечатлѣніе его не было бы пріятной гармоніей колокольныхъ звуковъ, возвѣщающихъ пасхальную заутреню“.

Ригеръ при этомъ не вспомнилъ, что есть и „колокольный патріотизмъ“, который не распространяется далѣе своего прихода и который плохо гармонируетъ съ потребностями нашего времени, когда народы собрались въ громадные государства, громадные языки, громадные культуры, въ борьбѣ съ которыми неизбежно падетъ каждый славянскій патріотъ, славянскій народъ, славянскій языкъ, который будетъ опираться лишь на себя. Чехи могли бы, пожалуй, выдержать борьбу съ саксами, франками, швабами, австріяками въ отдѣльности, но съ объединенными языкомъ, религіей, государствомъ нѣмцами — они бороться не могутъ. Съ 50 милліонами нѣмцевъ можетъ бороться лишь 100-милліонное славянство въ цѣломъ, если оно успѣетъ организовать въ какое-нибудь нравственное цѣлое, скрѣпленное не однимъ племеннымъ чувствомъ, но и какими-нибудь общими культурными стихіями.

Чехамъ подобная борьба тѣмъ труднѣе, что они живутъ чуть не въ сердцѣ Германіи, окруженные съ трехъ сторонъ прочно заселенными нѣмецкими областями и только чрезъ Моравію и Словакину еще кое-какъ, но очень слабо связанные территориально съ областями славянскими. Понятно, что при такомъ положеніи Чехіи Германія считаетъ ее своей неизбежной добычей, что не разъ заявлялось и въ нѣмецкой печати. Палацкому въ 1868 г. приходилось даже опровергать подобное утверждение *Deutsche Allgemeine Zeitung* (отъ имени гр. Бейста) ссылкой на то, что, будучи основана на народномъ началѣ, Германія не можетъ стремиться къ присоединенію столь невоинственнаго, но самосознающаго и историческаго народа, какъ чехи. Наконецъ въ подобномъ положеніи — въ случаѣ разгрома Австріи — находились бы и мадьяры, поляки, хорваты, вслѣдствіе чего дѣло осложнилось бы международными

антагонизмами и могло бы получить совершенно иное рѣшеніе, чѣмъ на какое рассчитываютъ нѣмцы.

Когда возникла Транслейтанія и Цислейтанія и измѣнились историкополитическія отношенія Чехіи къ Имперіи Габсбурговъ, Палацкій совѣтовалъ землякамъ не итти въ вѣнскій рейхсратъ, чтобы не освятить своимъ въ немъ присутствіемъ беззаконій дуализма. Но эта пассивная политика не могла долго удержаться, потому что въ Чехіи нашлось не мало оппортунистовъ, которые считали неудобнымъ изъ-за принциповъ отказаться отъ нѣкоторыхъ выгодъ активной политики, особенно для депутатовъ. Еще разъ надежда на австрійскую справедливость оживилась въ немъ въ 1871 г., когда Гогенвартъ уговорилъ императора короноваться чешскою короною. Но скоро Гогенвартъ палъ, а съ нимъ и этотъ проектъ, и Австро-Венгрія все тѣснѣе стала примыкать къ Германіи. Съ тѣхъ поръ Палацкій окончательно устранился отъ политики и, завершивъ исторію до 1526 г., занялся изданіемъ Radhost'a, въ „дословѣ“ къ которому высказалъ очень пессимистическій взглядъ на Австрію и на положеніе чеховъ, считая ихъ будущность обезпеченною лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ трудиться и учиться въ строго-національномъ направленіи. Большимъ зломъ и угрозой для народнаго существованія чеховъ считаетъ онъ развитіе въ немъ атеистическаго интернаціонализма, а также коммунизма и социализма, насколько послѣдній развивается не въ духѣ первобытно-христіанскомъ, какъ нѣкогда въ общинѣ чешскихъ братьевъ. Развитіе пантеизма и матеріализма въ новую пору Палацкій считаетъ признакомъ одичанія и вырожденія; сознается, что въ политической своей дѣятельности онъ допустилъ одну крупную ошибку: довѣріе къ разумности и справедливости нѣмцевъ! „Извѣстное мое выраженіе: „если бы Австріи не было, то мы должны были бы поскорѣе заняться образованіемъ ея“, было основано на предположеніи, даже на твердомъ убѣжденіи, что въ этомъ союзѣ освобожденныхъ народовъ впродъ будетъ господствовать справедливость, ибо, какъ сказалъ блаж.

Августинъ De civ. dei XXII — remota justitia quid sunt regna nisi magna latrocinia? Могъ-ли я думать, чтобы подь государемъ, котораго девизомъ было: Justitia regnorum fundamentum . . . , мы могли перейти изъ подь абсолютизма государя подь абсолютизмъ еще болѣе жестокой — подь диктатуру непріязненного намъ племени? Что нѣмцы будутъ толковать о свободѣ и конституціи, а на дѣлѣ только стремиться къ власти надъ другими? Что они будутъ превозносить права людей, а попирать ногами права народовъ? Что зданіе своего государственнаго права они будутъ сооружать на лжи и бессмыслицѣ? Что они провозгласятъ равное право для всѣхъ, кромѣ славянъ, на которыхъ ложится только долгъ повиновенія? Слишкомъ запоздалымъ является ихъ предположеніе, что для насъ собственная народность не будетъ наслѣдіемъ столь же драгоценнымъ, какъ для нихъ“

Палацкій оплакиваетъ паденіе у нѣмцевъ общественной нравственности подь вліяніемъ деморализованной журналистики и жидовскихъ „шмоковъ“, для которыхъ не существуетъ ничего высокаго въ мірѣ нравственномъ, ничего великодушнаго и рыцарски честнаго, ничего историческаго, а одинъ оппортунизмъ и сребролюбіе. О мадьярахъ же говоритъ, что если они и впредь будутъ вести себя, какъ шуки въ прудѣ, то къ концу второго тысячелѣтія не останется ни одного потомка, который бы захотѣлъ и могъ совершить надъ ними тризну. Наконецъ онъ говоритъ о Россіи, вспоминаетъ о своей поѣздкѣ въ Москву и сознается, что не видитъ уже никакой опасности со стороны мнимой универсальной русской монархіи. Къ таковой русскіе политики все-де не стремятся, а только къ тому, чтобы они не были окружены на западѣ державами слишкомъ сильными и враждебными Россіи. Споръ русско-польскій какъ-нибудь закончится подь вліяніемъ истиннославянскаго духа. Воинственность русскаго народа и его централизація вызваны-де необходимостью: безъ нихъ и не возникло-бы могущественное русское государство! Но теперъ, когда оно уже консолидировалось, возвращеніе его къ

миролюбивымъ стремленіямъ славянства было бы благодѣтельно не только для русскихъ, но и для всего человѣчества.

Мечты же объ образованіи языка общеславянскаго Палацкій считаетъ одними мечтами, ибо чехи не для того-де боролись 1000 лѣтъ за свою народность, чтобы отречься отъ нея во имя какихъ бы то ни было красныхъ словъ.

Относительно дальнѣйшаго отношенія чеховъ къ Австріи Палацкій высказываетъ сомнѣнія въ одушевленномъ служеніи послѣдней, послѣ столькихъ разочарованій. Въ будущность Австріи онъ не вѣритъ-де съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы и мадьяры сдѣлали ее грубой племенной деспотіей.

Но и подъ властью Россіи или Пруссіи чехи не чувствовали бы-де себя удовлетворенными, ибо по праву и старинѣ хотятъ быть подчинены только своему собственному правительству и своему государю.

Кромѣ того Палацкій различаетъ отношенія чеховъ, съ одной стороны, къ русскому правительству, а съ другой — къ русскому народу. Первое довольно равнодушно было донинѣ къ судьбамъ чеховъ, но со вторымъ чеховъ связывало какое-то особенное внутреннее сродство, особенно по отношенію къ вѣрѣ и богослуженію. Изъ этого не слѣдуетъ-де, что чехи могутъ принять православіе или хотя бы только кирилловскую графику. Но и безъ этого чехи и русскіе могутъ-де любиться и общими силами сломить гордыню нѣмцевъ, послѣ чего славянство окажется-де побѣдителемъ болѣе справедливымъ и благороднымъ чѣмъ монголъ, мадьяръ, нѣмецъ.

Въ 1873 г. Палацкій написалъ еще одну статью въ Reform въ отвѣтъ Макушеву на тему о близорукой политикѣ чеховъ, причѣмъ Палацкій говоритъ: „если бы мы должны были перестать быть чехами, то намъ было бы безразлично, станемъ ли мы тогда нѣмцами, итальянцами, мадьярами или русскими“. Но чехи сохранять свою народность, пока сами будутъ того хотѣть. Въ томъ же году Палацкій съ Ригеромъ огласили записку о причинахъ своей пассивной оппозиціи. Тутъ онъ настаиваетъ на государственномъ правѣ Чехіи, на

династической ея уніи съ Австріей, на значеніи этого права для чешской народности, которая существовала ранѣе австрійской и можетъ пережить ее.

Послѣднюю политическую статью Палацкаго представляетъ его послѣсловіе къ сборнику мелкихъ нѣмецкихъ статей *Gedenklätter*, изданному въ 1874 г. Онъ тутъ излагаетъ, что не можетъ вѣрить въ справедливость нѣмцевъ, потому что въ ихъ исторіи красной нитью тянется стремленіе усилиться на счетъ другихъ народовъ, при помощи то централизаціи, то либеральнаго „гумбуга“. Свободу нѣмцы охотно принимаютъ тогда, когда она даетъ имъ привиллегію господствовать надъ другими. По ихъ мнѣнію, свобода — удѣлъ нѣмцевъ, рабство — славянъ. Будучи архилиберальны, нѣмцы считаютъ излишнимъ быть и справедливыми. Послѣ 1848 г. они перемѣнили лишь личность автократора: прежде таковымъ былъ нѣмецкій государь, теперь — нѣмецкій народъ. Вѣнскій парламентъ не признаетъ чешскаго королевства, а лишь чешскій департаментъ Цислейтаніи. Но чехи никакой цѣной не продадутъ правъ первородства въ землѣ еврейско-нѣмецкому Якову.

Еще одинъ разъ коснулся Палацкій этихъ вопросовъ 23 апр. 1876 г. при торжествѣ по случаю окончанія его „Дѣинъ“, при чемъ сказалъ: „нашъ народъ въ великой опасности: отовсюду онъ окруженъ непріятелями, но я въ немъ не отчаяваюсь, а вѣрю, что онъ восторжествуетъ, если захочетъ. Но это хотѣніе должно выражаться не въ словахъ, а въ трудѣ, самоотверженіи — на алтарѣ народности . . . Мы должны образоваться и дѣйствовать по велѣніямъ ума образованнаго“.

Наконецъ, 30 апр. 1876 онъ огласилъ письмо къ народу, гдѣ говоритъ: „ничто такъ не радуетъ меня на закатѣ дней, какъ наблюденіе, что чувство и сознаніе народности и солидарности славянской пробудилось какъ у насъ, такъ и у нашихъ братьевъ на сѣверѣ и югѣ съ такой силой, что намъ нечего опасаться возрастающей свирѣпости непріятелей, — тѣмъ болѣе, что славяне, не желая терпѣть обидъ отъ иноплеменцевъ, сами ихъ обижать вовсе не стремятся“.

Сводя въ одно цѣлое сказанное о Палацкомъ, какъ писатель и патріотъ, мы должны признать правильнымъ присвоенное ему соотечественниками наименованіе: самаго великаго изъ чеховъ, но съ прибавкою: 19 вѣка. Одинъ Добровскій да, пожалуй, еще Юнгманъ и Шафарикъ могли бы оспаривать у него это названіе — первый по размѣрамъ дарованій и учености, второй по трудолюбію и пламенной любви къ отечеству, третій по широтѣ взглядовъ и важности научныхъ вкладовъ. Но все же ни одинъ изъ нихъ не являлся столь центральной фигурой въ чешскомъ обществѣ и чешской наукѣ за столь длинный, полувѣковой періодъ его развитія. Добровскій былъ великъ, какъ критикъ, богатый творческими идеями въ историко-филологической области; но онъ не только критически, но и скептически относился къ идеямъ чешскаго возрожденія и даже по языку (то латинскому, то нѣмецкому) занималъ положеніе ученаго скорѣе общеевропейскаго, чѣмъ специально чешскаго. Юнгманъ былъ великій лексикографъ, великій патріотъ, при томъ не чешскій лишь, но и славянскій вообще. Но онъ велъ жизнь болѣе замкнутую, почему и не могъ стать душою чешскаго общества, какъ безспорно сталъ съ двадцатыхъ годовъ и остался до семидесятыхъ экспансивный, тактичный, упругій Палацкій. И Шафарикъ, при всемъ величій своихъ талантовъ, учености, заслугъ не пользовался въ средѣ соплеменниковъ такимъ авторитетомъ, какъ Палацкій. Кажется, этому благопріятствовала исторіографическая специальность послѣдняго, которая вообще является болѣе центральной въ литературѣ народа, чѣмъ археологія или филологія. Наконецъ, Палацкій въ большей мѣрѣ, чѣмъ Добровскій, Юнгманъ и Шафарикъ, соединялъ въ себѣ наиболѣе характерныя особенности чешскаго племенного типа, въ которомъ идеализмъ своеобразно скрещивается съ практицизмомъ, пламенный патріотизмъ — съ холодной разсудочностью, оптимизмъ Гуса съ пессимизмомъ Коменскаго и широкій славянизмъ съ узкимъ австрочехизмомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Палацкій значительно уступалъ и Добровскому, и

Юнгману, и Шафарику, не говоря уже о Челяковскомъ и Ганкѣ, которые лучше его понимали, что на одномъ чехизмѣ въ 19 в. далеко не уѣдешь и что онъ можетъ имѣть какую нибудь будущность единственно въ рамкахъ славянизма. Потому то и взглядъ ихъ на кирилло-меѳодіевское движеніе, на гуситство, на эпоху возрожденія славянъ, наконецъ, на роль Россіи въ славянствѣ, былъ значительно глубже и вѣрнѣе, чѣмъ взглядъ Палацкаго. Лишь въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ московскаго сѣзда Палацкій постепенно отрѣшился отъ своихъ прежнихъ предубѣжденій противъ православія и Россіи. Но до тѣхъ взглядовъ, какіе высказывалъ о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго, Юнгманъ еще въ двадцатыхъ годахъ, — до того міросозерцанія, которое развилось на словачинѣ у писателей школы Голаго, особенно же у Кузмани, Штура, Гурбановъ, Палацкій не дошелъ и послѣ московскаго сѣзда. Много разочарованій принесла Палацкому и его слѣпая вѣра въ западно-европейскій конституціонализмъ, для котораго онъ такъ много потрудился и въ 1848—49 гг., и позже, хотя потомъ оказалось, что онъ послужилъ орудіемъ превращенія абсолютизма монарха въ еще болѣе тягостный абсолютизмъ нѣмцевъ и мадьяръ надъ прочими австрійскими народами.

Во всякомъ случаѣ это очень крупная и характерная личность на чешскомъ пантеонѣ. Изъ писателей и дѣятелей прежняго времени его можно сравнить только съ Ам. Коменскимъ, который и по своему философско-библейскому стилю нѣсколько напоминаетъ Палацкаго. Но съ Гусомъ мы его сравнивать не станемъ: это совершенно разнородныя явленія. Палацкій даже понять вполне не могъ своего великаго пророка, который занимаетъ совершенно исключительное положеніе въ чешской исторіи, какъ самый грандіозный и центральный устой историческаго моста, связывающаго эпоху Палацкаго съ отдаленными вѣками Свв. Прокопа, Вячеслава и Меѳодія.

Въ заключеніе да позволено мнѣ будетъ привести въ

слабомъ переложеніи прекрасный гимнъ Палацкому, написанный самимъ знаменитымъ изъ чешскихъ поэтовъ 19 вѣка Ярославомъ Верхлицкимъ (въ Рам. 1—3), подъ заглавіемъ : „На сотый день рожденія Фр. Палацкаго“.

Какъ Радгощъ старый, въ глубинахъ скрѣпленный,
Унесся въ тучи, съ вихрями воюетъ,
Высокимъ темемъ съ молніей играя,
По бурѣ же красуется на солнцѣ,

Своихъ лѣсовъ дремучихъ мощнымъ шумомъ,
Паденіемъ потоковъ, пѣньемъ птицъ,
Священнымъ сумракомъ тѣнистыхъ сводовъ
И тайнымъ новой жизни трепетаньемъ :

Такъ нашъ народъ на сотый день рожденья
Великаго отца, стоитъ безъ страха,
Испытанный вѣками тяжелыхъ бурь
И вновь застигнутый невзгодой.

То твой, Отецъ, народъ, тобой вскормленный,
Что ты, какъ Моисей, провелъ пустыней,
Творя за чудомъ чудо вѣщею рукой,
Для тысячъ душъ вжигая факелъ знанья.

Ты твердо зналъ, въ чемъ твой народъ нуждался,
Чтобъ удержаться на крутой стезѣ
И не свалиться въ пропасть, что зіяла
По сторонамъ, маня неотразимо :

Онъ долженъ знать себя, свое былое,
Знать цѣну подвига своихъ прадедовъ,
И какъ найти ихъ внукамъ кладъ завѣтный,
Оставленный въ наслѣдіе потомкамъ.

И вотъ въ засыпанный рудникъ вѣковъ
Вступилъ ты, нашъ мудрецъ, и снялъ завѣсу,
Скрывавшую отъ насъ дѣла отцовъ
И ихъ священные завѣты дѣтямъ.

Не знаю, какъ мудрецъ иль какъ апостоль
 Вѣка ты освѣтилъ пророческой
 Душой, въ которой будто Гусь съ Амосомъ
 Въ слезахъ надъ Кралицкой обнялись книгой,

И, описавъ великій бой за чашу,
 Ты чашу далъ намъ твердости, надежды,
 И освѣжилъ уста ужъ умиравшихъ
 Напиткомъ горести и укрѣпленья.

Надежныѣ гранита пирамидъ
 Укладъ того великаго творенья;
 Его фундаментъ кроется въ глуби,
 А верхъ горитъ въ лучахъ эпохи новой, --

Твоей эпохи, нашей! Если-бъ ты
 Могъ поглядѣть къ намъ долу съ выси звѣздной,
 Какъ твой посѣвъ растетъ и буйно зрѣетъ
 Въ разметанномъ грозой гнѣздѣ орловъ, —

Тогда-бъ, съ улыбкой важнаго чела
 Склонясь къ Младоню *), къ Павлу **), ты сказалъ:
 Такъ не напрасно потрудились мы,
 Не даромъ крыльями стучались въ небо.

А тотъ, кто сладкой пѣсни звономъ
 Тебѣ внушалъ когда-то „освѣтить
 Лучомъ науки катакомбы наши
 И воскресить преданья старины“ ***),

Ударивъ въ арфу, громче бы запѣлъ,
 Чѣмъ я или другой изъ эпигоновъ.
 Но что тужить! Не ты ли, умирая,
 Воскликнулъ: помогите побѣдить!

*) Иосифъ Юнгманъ.

**) Павелъ Шафарикъ.

***) Челябинскій.

И этот кликъ предсмертный усть твоихъ
Мы подхватили, какъ завѣтъ священный,
И кто перомъ, кто долотомъ иль кистью
Сказали: побѣдить или погибнуть!

Пусть топчуть насъ, мы встанемъ силой воли.
И какъ сѣдой Радгощъ все смотреть къ небу,
Такъ нашъ народъ къ Тебѣ мечтой несется,
Никѣмъ еще въ конецъ не побѣжденный.

2
47

Цѣна 30 коп.